

Жоффра Вирио Марианна Рябман

Post Scriptum

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 №

ШОРТ-ЛИСТ

ЛитРес:

Марианна Рябман

Post Scriptum

«Рябман Марианна Альбертовна»

2020

Рябман М. А.

Post Scriptum / М. А. Рябман — «Рябман Марианна Альбертовна», 2020

Роман «Post Scriptum», это два параллельно идущих повествования. Французский телеоператор Вивьен Остфаллер, потерявший вкус к жизни из-за смерти жены, по заданию редакции, отправляется в Москву, 19 августа 1991 года, чтобы снять события, происходящие в Советском Союзе. Русский промышленник, Антон Андреевич Смыковский, осенью 1900 года, начинает свой долгий путь от успешного основателя завода фарфора, до сумасшедшего в лечебнице для бездомных. Теряя семью, лучшего друга, нажитое состояние и даже собственное имя. Что может их объединять? И какую тайну откроют читатели вместе с Вивьеном на последних страницах романа. Роман написан в соавторстве французского и русского писателей, Марианны Рябман и Жоффруа Вирию. Это не первое успешное творческое сотрудничество авторов, в 2020 году их совместная литературная работа стала номинантом премии «Большая книга».

© Рябман М. А., 2020

© Рябман Марианна
Альбертовна, 2020

Содержание

Вивьен	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Жоффруа Вирио, Марианна Рябман

Post Scriptum

Вивьен

Под поверхностью планеты, прислонившись к стене из белого фаянса, Вивьен Остфаллер ждал своего поезда на станции метро Бастилия.

Вокруг него самые ранние туристы уже бродили по прохладным коридорам, чтобы как можно скорее насладиться новым августовским утром. Над Парижем поднималось солнце, и начиналось туристическое оживление мегаполиса, покинутого его жителями.

Но здесь, в метро, под тоннами грунта, отделявшего теперь Вивьена от пробуждающегося мира, застывшее время не двигалось, ничего кроме ритмичного движения поездов, как пульсация большого города.

Вивьену шел сорок первый год, и с недавних пор каждый его день, напоминал жизнь туристов, толпившихся сегодня утром на набережной.

Сидя на скамье, с кожаной дорожной сумкой на коленях, он окруженный холодными кафельными стенами, в нескольких метрах под землей, подняв голову, бесцельно разглядывал рекламные вывески на стенах и слушал рассеянные объявления из динамиков.

Одиноким, ожидающим посреди толпы.

Наконец, его поезд прибыл, с приглушенным шумом, распахнув свои двери, и этот звук, сработавший как сигнал для Вивьена, заставил его машинально встать и проскользнуть вместе с другими вовнутрь. А затем, как только двери состава закрылись, вагон унёс его в темные недра «Города Света».

Вивьен направлялся в офис своей редакции в Булонь-Бийанкур, в здании с видом на Сену. Он был оператором, путешествовал по тем точкам мира, которые всё больше нуждались, чтобы СМИ пролили на них свет, по всем закоулкам земного шара, и практически по любому событию. Но сегодня, 19 августа, его срочно вызвали, чтобы снять материал о том, что называлось путчем в Советском Союзе. Один из репортеров, который обычно занимался подобными новостями политики, потерял своего помощника, ставшего жертвой тяжелого гриппа, и Вивьен, привыкший снимать военные перевороты на Ближнем Востоке, получил задание заменить его.

Поездка в редакцию была быстрой, он взял там камеру и всё, что было нужно для съёмки, свой билет и, не теряя больше времени, поймал на улице такси, которое доставило его в аэропорт Руасси.

Немногие путешественники выстроились перед стойкой регистрации Аэрофлота. Оглядев их, Вивьен понял, что это в основном журналисты, некоторых из них он видел прежде только мельком, с другими даже делился когда-то интересным материалом.

Звук автоматически открывающихся дверей заставил его обернуться, и он увидел, что ещё более знакомый силуэт торопливо приближается к нему. Эдуард Дениссо, завсегда с советских сюжетов. Тот самый, с которым Вивьен должен был работать теперь, чтобы снимать кризис, назревающий в Москве. Дениссо поприветствовал других журналистов, которые единодушно ответили ему, а затем присоединился к Вивьену, стоявшему уже в середине очереди.

– Вивьен! – Он сбросил сумку к ногам, пыхтя и протягивая руку своему сменному оператору. Вивьен ответил скорым рукопожатием, но больше из вежливости, чем от радости встречи.

Отдышавшись и уперев руки в бедра, оглядывая все вокруг, репортёр посмотрел на Вивьена, довольно улыбаясь, и продолжил:

– Мне повезло, что ты смог заменить Люка на месте. Нам очень нужно добраться до этого офиса корреспондентов в Москве, там очевидно будет много шума. Такое нельзя пропустить!

Вивьен утвердительно кивнул головой, не ответив, и позволив журналисту продолжить.

– Я рискую застрять там на несколько недель, чтобы создать своё собственное бюро... Но думаю, дня через четыре, максимум, Люк сможет присоединиться к нам. Тебе не придётся ждать слишком долго.

– Я привык уезжать надолго, Эдуард. Не волнуйся, – устало выдохнул Вивьен.

Эдуард опять постарался улыбнуться. Он знал Вивьена издалека, они никогда не работали вместе, и эта перспектива не слишком его радовала. Не то чтобы у него были какие-то предубеждения в отношении работы Вивьена, но он предпочитал работать со своим вечным товарищем по команде. И то небольшое, что он слышал об Остфаллере, было достаточным, чтобы понять – перед ним не самый открытый и веселый человек, с которым удобно путешествовать.

Хотя сейчас Эдуарда мало волновали эти детали, ему нужен был только тот, кто мог бы держать камеру в руках. И ещё чтобы этот человек стал к тому же компаньоном для прогулок, с которым можно было бы выпить по вечерам.

Регистрация и посадка не отняли у них много времени.

Солнце, освещавшее фюзеляж самолета, придавало ему опаловый цвет. Небо было чистым, ясным, и не было даже ни единого облачка, которое могло бы помешать немногим пассажирам, летевшим в Москву.

Прошло уже два часа с тех пор, как авиалайнер вылетел из Парижа, и не прошло и пяти, как Вивьен Остфаллер забрала свою камеру в редакции, чтобы немедленно отправиться в Россию.

Он держал глаза закрытыми под своей маской для сна, пытаясь уснуть, и зная, что ему это не удастся.

Возникающая вдруг срочность, никогда не меняла ритм его жизни, он проводил свои дни почти всегда в состоянии ожидания, или созерцания. Профессия приводила его во многие уголки земного шара, часто в опасные места, где разгорались конфликты, но никогда при этом, он не чувствовал даже страха. Казалось, что и в своей собственной жизни, он всегда оставался лишь зрителем тех событий, которые стремительно разворачивались вокруг него. И он обычно чувствовал себя чужим в своем окружении, как будто он и сам был просто камерой, которая почти всегда была с ним. Как всего лишь объектив этой камеры, чуждый его собственной жизни, как инородное тело в этом мире, за которым он наблюдал. Без страстей, столкновений и хаоса, всегда в режиме ожидания.

Сегодня утром еще ничего не предвещало того, что он будет в этом самолете, летящем в Москву, в советскую империю, которая могла рухнуть в ближайшее время. Лишь небольшое стечение обстоятельств, грипп, подхваченный другим оператором и президент, который теперь находился под домашним арестом в Форосе.

У Вивьена не было намерения отправляться в путешествие сегодня. Однако это не имело для него значения, он как обычно, придерживался своей роли зрителя.

Глухой звук двигателей эхом отозвался в его голове низким гулом, и Вивьен почувствовал давление в груди. Его сердцебиение становилось все более прерывистым, по мере того как шум двигателей нарастал. Он быстро узнал предпосылки своих панических атак. Когда страх подкатывал комом к его горлу, сжимая его и не давая ему дышать, его разум, словно менялся. И Вивьен снова больше не обитал в своём теле.

И тогда ни опасности, ни страха.

Он не чувствовал ни опасности, ни страха, только отстраненность. Просто отсутствие осязаемого тела, как якоря, который мог бы удерживать его.

Вивьен сглотнул, и у него перехватило горло, так, словно сердце выскочило из груди. Он внезапно почувствовал пустоту или как будто погрузился в нее. Неясная, коварная пустота, которая по мере погружения, проникала и в него самого, леденящим холодом. Звук, который на мгновение, казалось, был оглушительным, вдруг сузился, стал далеким, почти не слышимым, и только его собственное медленное дыхание отдавалось у него в висках, и редкое биение сердца.

И все же ничто на его наполовину скрытом маской лице, не выдавало беспокойства, даже если его приоткрытые губы или руки дрожали.

Но для него не было ничего нового, и он терпел, ожидая, когда эта тревога утихнет и уйдёт, как и все остальное.

Потом это прошло.

Вивьен снял маску, и потер глаза, как будто окончательно избавляясь от этой тяжести. Салон самолета был полупустым, и только стюардессы, изредка проходившие мимо него, выражали в своих улыбках радость, которая никак не увязывалась с тем поводом, по которому он летел в их страну, и происходящими там событиями.

По правую сторону, через проход от него, сидел Эдуард, журналист, которого он сопровождал. Чуть моложе Вивьена, он казался счастливым и взволнованным оттого, что получил возможность рассказать о такой исторической ситуации, как он постоянно повторял в такси несколько раньше: падение Советского Союза, конец коммунизма, холодная война...

Он ел, положив перед собой книгу, и вскоре заметив как Вивьен, отстегивает ремень, освобождая себя от кресла, Дениссо отложил столовые приборы и шумно захлопнул книгу, восклицая при этом:

– Сергей Бесфамильный.

Он рассмеялся, небрежно бросив её на соседнее кресло, и Вивьен заметил, что он читает на языке оригинала. О том, что Эдуард владеет русским языком и знает культуру этой страны, было хорошо известно в редакции.

– Наверняка есть литература и получше. Но мне нравится его стиль, – добавил он.

Затем поднял свой пустой бокал, перед стюардессой, проходящей мимо.

– Можно мне еще вина?

Она с той же улыбкой, почти не останавливаясь, направилась в центр салона.

– Ты говоришь по-русски? – спросил он Вивьена, ещё некоторое время, провозжая девушку взглядом.

Вивьен отрицательно покачал головой и поднял шторку иллюминатора, свет заставил его прикрыть глаза, и он почувствовал, как виски сжимает словно обручем.

– Веришь или нет, мой отец был русским, – сказал он, задумчиво вглядываясь в бескрайнее небо.

Эдуард удивленно приподнял брови, опять взявшись за столовые приборы.

– И?

Стюардесса вернулась с маленькой бутылочкой «Cabernet», которую она подала Эдуарду, затем предложила поднос с едой Вивьену, но он отказался.

– И, ... – ответил Вивьен, затем после долгой паузы продолжил, – мой отец вырос в Германии, а я родился во Франции. Он всегда хотел воспитать меня совершенным французом. Он хотел, чтобы мы слились с французской культурой. Что бы во мне не было ничего от русского и уж тем более от немца. Я родился через пять лет после войны, думаю, это эхо еще было слишком сильным.

Эдуард кивнул, отодвигая поднос.

– Это было уделом многих иммигрантов, желающих быть французами даже более, чем сами французы, и всегда в ущерб своим корням.

Настала очередь Вивьена кивнуть, массируя виски. Эдуард поднял бокал с вином перед глазами.

– Трудно сказать, что нас там ждет, – произнес он, стараясь показать свою осведомленность в этом вопросе, – Россия уже показала своей историей, что способна на большие революции.

Вивьен чуть удобнее откинул спинку кресла, его глаза были полузакрыты, и легкая усмешка появилась на губах, когда он услышал слова своего коллеги, как-будто он был разочарован его примитивному взгляду на вещи.

– Я не снимал многих революций, но те немногие, которые я лично видел, Бухарест, Тегеран... – Вивьен пожал плечами, – Ни одна революция не делается без насилия и без крови. Масштабы революции, и чем внезапнее и радикальнее они будут, должны быть равны переменам, которые происходят.

Эдуард поджал губы, когда первая турбулентность в полете толкнула самолет.

– Ты говоришь трудно понять, что нас ждёт? Перемены, которые происходили в стране на протяжении нескольких лет, перестройка, гласность, разрушение железного занавеса в мае этого года... Все это было неизбежно, предсказуемо. А теперь, как будто мы играем в удивление, даже бюро, которое ты собираешься устроить там, это словно мы опоздали на поезд, когда он ждал нас на платформе.

Вовсе не обращая внимания на то, что его замечания были слишком прямолинейными, Вивьен быстрым движением закрыл иллюминатор и опять надвинул маску для сна на глаза. Эдуард не нашел каких-то слов, чтобы продолжить диалог, он был удивлён... Именно удивлён, и только взглянул на Вивьена, который пытался уснуть.

То, что он прежде слышал о Вивьене, теперь имело немного больше смысла. Он казался ему безразличным к чувствам других. И говорил, как будто без фильтра. Этот короткий разговор, который у них только что состоялся, кажется, был банален и прост, но в итоге, Эдуард почувствовал себя то ли оскорбленным, то ли раздосадованным. И он не нашел ничего другого, как сделать то же самое, что и Вивьен, откинул спинку кресла и закрыл иллюминатор.

Пожалуй, заснуть сейчас, действительно было бы лучше всего.

Вивьен и Эдуард беспрепятственно прошли через визовый отдел, но задержались немного в помещении, отведенном специально для прессы. Необходимы были дополнительные проверки, прежде чем они смогли бы продолжить свой путь.

Вивьен стоял перед огромным эркером, смотрел вниз на приземляющиеся самолёты. Взлетная полоса мерцала, и здесь как будто тоже остановилось время. Но позади него, за его спиной, за зданием аэропорта, всё наверное было совсем по-другому. Москва, занимающая трон, как спящий великан, от пробуждения которого, зависел весь остальной мир.

На этот раз, ждать пришлось недолго, двух французов быстро выпроводили за линию проверки и, наконец, они достигли выхода, где их уже встречал сотрудник их редакции.

Эдуард сидел рядом с водителем, вступая с ним в оживленную беседу. Время от времени он оборачивался к Вивьену, чтобы перевести ему немного информации о происходящих событиях.

– Он говорит, – комментировал Дениссо, – что временным правительством уже взяты под контроль печатные издания, остановлен выпуск наиболее крупных газет, но телевизионные операторы ещё имеют возможность снимать, и передают друг другу полученный материал.

Вивьен только молча кивал, его лицо было обращено к улицам города, которого он никогда не знал.

Но даже для человека, прежде незнакомого с Советским Союзом и его столицей, напряжение на улицах было заметным. Чувствовалось тревожное оживление, и хотя в некоторых местах, казалось, ничего особенного не происходило, однако уже через улицу можно было увидеть военную технику, танки и бронетранспортеры, и группы людей, настроенных весьма решительно.

Минут через тридцать машина припарковалась в тихом переулке. На зеленом газоне, маленькие дети, заинтересовавшись ими, перестали играть, и с любопытством, неподвижно наблюдали, как они паркуются. Узкая улочка была окружена унылыми высокими домами с большими окнами. Будущий корреспондентский офис располагался на первом этаже одного из этих серых зданий. Квартира, занимавшая весь этаж, была в идеальном состоянии. Несколько комнат и две спальни были обустроены, а удобная кухня и ванная комната дополняли этот комфорт. Вивьен подошёл к окну, натертый до блеска паркет, заскрипел под его ногами.

Если квартира была более чем роскошной для офиса, то вид из окон, пожалуй, был не самым красивым, отсюда просматривались небольшой переулок и стоящие напротив здания, заслоняющие дневной свет, и со временем комната всё больше погружалась в темноту.

Где-то вдалеке раздался телефонный звонок, затем Вивьен услышал, как Дмитрий, их русский коллега, берет трубку и разговаривает. Однако он не отрывал взгляда от маленького переулочка, где всё ещё играли дети, не подозревая ни о том, что происходит вокруг них, ни об опасности грядущих дней. Веселая беспечность, несмотря ни на что.

Эдуард окликнул Вивьена, видимо, с наступлением вечера, на улицах становилось жарче, и военная техника, которую они видели, по дороге, возможно уже была приведена в действие.

Двое французов последовали за Дмитрием к машине. Детей на улице уже не было, шёл проливной дождь, и теперь переулок выглядел совсем пустым и мрачным.

Машина Дмитрия ехала на привычной для него, большой скорости. Город проносился перед их глазами, тротуары были заняты группирующимися людьми с транспарантами, флагами и под зонтами. Тут и там раздавались выкрики лозунгов, и через стекла, всё это, размытое потоками дождевой воды, сливалось в блуждающие яркие пятна, как будто призраки из другой эпохи.

Вивьен прижимал камеру к себе, словно это была его единственная опора, его взгляд терялся в городских огнях.

Его коллеги впереди, разговаривали между собой по-русски, видимо выбирая маршрут по точкам города, где события могли быть наиболее значительными.

Затем Дмитрий свернул в сторону от широкого проспекта и остановил машину, поскольку дальше дорога была перекрыта. И те, кто ехал впереди них, уже были вынуждены сдавать задним ходом.

– Теперь только пешком, – сказал Эдуард, открывая дверь.

Вивьен присоединился к ним, включил камеру и поднял её на плечо.

Проверяя настройки, он посмотрел в объектив, и снова почувствовала себя живым, наблюдающим, неуязвимым.

Закат окрасил Москву в оттенки лилового и коричневого, а запахи дождя, пыли и летних цветов, смешались с усиливающимся ветром.

Но ничего сейчас не могло отвлечь троих мужчин, каждый из которых был профессионалом своего дела, и теперь, как охотник, старался оказаться в середине толпы и в центре этого калейдоскопа событий. Вивьен уже начал снимать, предчувствуя серьезное столкновение впереди. Нарастающий шум голосов, смешанный с ревом двигателей бронетехники, не оставляли в этом сомнений.

Они остановились на условной линии, разделяющей демонстрантов и колонну бронетранспортеров. Перед ними были военные, которые старались сдержать толпу. Некоторые из солдат, растерянно собирали и даже читали листовки, разбросанные ополченцами.

– Снимай как можно больше! – крикнул Эдуард. Но Вивьен уже не услышал его, даже не из-за шума, а оттого, что теперь он был занят только тем, что оказывалось перед его объективом.

Изображение стремительно менялось, камера записывала. Вивьен последовал за мужчинами, которые громко выкрикивали «Россия! Россия!», и старались пробиться сквозь цепь сол-

дат, сдерживающих их и защищенных бронезиловыми. Обстановка вокруг накалялась, митингующие пытались остановить военную технику любыми способами, в том числе, ложась на дороге перед танками и бронетранспортерами. Вивьену удалось остаться незаметным для всех тех, кто на его глазах хотел изменить свою судьбу и боролся за то, что считал лучшим будущим для своей страны.

Вивьен считал, что в данный момент ничего не указывало на опасность непосредственно для него. И в тоже время понимал, что спрогнозировать сейчас что-то невозможно, и солдаты, которые пока не применяли оружие, могли получить такой приказ в любое время.

Сумка за спиной, видеокамера на плече. Он рефлекторно следил за беспорядочным движением толпы, бегая, приседая, взбираясь на баррикады, устраиваясь за автомобилями. Когда он снимал на Ближнем Востоке, всё казалось ему намного опаснее, но возможно оттого, что в то время он ещё испытывал страх.

С тех пор его жизнь изменилась. Жизнь стала другой, когда всё, что он хотел построить, рухнуло.

И вот, он стал только объективом своей камеры.

Сколько времени прошло с тех пор, как он начал съёмку? Сколько заполненных кассет он вынул и сколько чистых вновь вставил в камеру? Когда Вивьен закончил снимать, он оказался на какой-то тихой улице. Кажется он ушиб плечо, и теперь боль уже чувствовалась. Ещё он заметил, что вся его одежда была насквозь мокрой от дождя. Вдалеке, в свете уличных фонарей, мелькали силуэты, и всё ещё были слышны голоса.

Он нигде не увидел ни Эдуарда, ни Дмитрия.

Вивьен медленно опустил камеру.

Он снова посмотрел вокруг, затем присел под крышу, на ступеньки здания.

Чтобы просто передохнуть.

Он положил камеру на колени, и посмотрел на нее.

Ирония ситуации была в том, что вся дорога от машины до этого здания, где он теперь укрывался от дождя, была снята его камерой. Даже если то, что он снял, было крупным планом, он наверняка смог бы понять, как вернуться назад, если бы имел возможность просмотреть отснятые кадры. Но камера была совсем разряжена.

Ни одна витрина не была освещена. Улица погрузилась в темноту...

Найти телефон, позвонить по номеру французского представительства и оставить им адрес, чтобы Эдуард смог приехать за ним.

Ничего другого не приходило ему в голову, спросить у кого-то дорогу было невозможно, едва ли он мог бы встретить сейчас кого-то, кто говорил бы на французском или английском.

Вивьен положил камеру в сумку и перекинул ремень через плечо.

Куда идти дальше?

Он посмотрел налево, потом направо, совершенно один и растерян.

Дождь немного утих и Вивьен решил просто идти вдоль улицы. Его сердцебиение немного замедлилось, а дыхание нормализовалось.

Он не боялся остаться один в чужом городе, в чужой стране. Но и не хотел терять слишком много времени, его цель заключалась в том, чтобы снимать события и тех, кто в них участвовал. И некогда было бродить по улицам, в редакции уже ждали отснятый материал, за это ему платили, и эту работу он любил больше всего на свете.

Он шел уже довольно долго, но никого не встречал. Внезапно звук быстрых шагов по асфальту, заставил его обернуться. В нескольких метрах позади него, бежал молодой человек, Вивьен решил идти медленнее, словно ожидая его, но тот казалось, не собирался останавливаться и продолжал бежать, тяжело дыша. На его футболке были пятна крови. Поравнявшись с Вивьеном, он бросил на него быстрый тяжелый взгляд, и вскоре исчез в конце улицы. Образ этого юноши, его пронзительных глаз надолго остались в памяти Вивьена. Ему бы хотелось

снять это лицо. Но момент был упущен, и разряженная камера больше не позволяла ему следить затем, что переживала Москва.

Он хотел бы вернуться туда, где надо было снимать. Где мир менялся. Это было то, что он должен был сделать, это было, наконец, то, что он умел делать лучше всего. Он должен был вернуться туда, где молодые люди, подобные тому, которого он только что встретил, боролись за свою свободу.

Кровь на футболке этого парня, указывала на то, что он был ранен.

Возвращался ли он на баррикады или убегал от солдат и ситуации, которая обострилась? Должен ли Вивьен был следовать за ним, или в противоположном направлении?

Он остался стоять, посреди улицы, снова потерянный.

Метрах в десяти напротив, Вивьен сумел разглядеть светящуюся вывеску, то ли ресторана, то ли кафе.

Он пересек улицу, прошел вдоль окна этого заведения, и вскоре оказался внутри.

Зал был совсем небольшим, всего несколько столов. В центре располагался прилавок и старый кассовый аппарат, рядом витрина, под стеклом которой были расставлены тарелки с бутербродами, салатами и закусками.

За одним из столов, перед окном, сидел старый мужчина, его взгляд был направлен на витрину, он неторопливо и бесцельно рассматривал каждую тарелку.

В другом углу зала молодая женщина мыла пол. Цветной платок почти полностью скрывал её каштановые волосы, на лице была заметна усталость.

Вивьен подошел ближе и обратился к старику за столом, который теперь перебирал приборы, перекладывая их с одного подноса на другой.

– Привет... – это единственное, что он помнил по-русски, – Je... Cherche un téléphone!

И он поднес руку к лицу, чтобы показать трубку телефона.

– Телефон?

Переспросил мужчина и жестом пригласил его следовать за собой. По другую сторону прилавка, у стены, стоял телефон.

Вивьен достала из сумки небольшой блокнот. Пролистал его, чтобы найти телефон французского агентства печати в Москве. Набрал номер, но услышал в трубке лишь автоответчик.

– Quelle est l'adresse ici? – спросил Вивьен у мужчины.

Он старался объяснить, указывая пальцем себе под ноги.

– Right here? What's the address? – повторил он по-английски.

Мужчина улыбнулся, пожал плечами, покачал головой в разные стороны, показывая Вивьену, что не понимает ни слова.

Уже потеряв всякую надежду, Вивьен услышал приятный голос, женщина произнесла адрес, почти без акцента, на английском языке.

Он повернулся на этот голос, и увидел ту молодую женщину, которая делала уборку.

– Спасибо, – прошептал француз, быстро отметив адрес в своей записной книжке.

Дождавшись окончания автоматического объявления, он оставил свое сообщение и адрес кафе.

Затем повесил трубку и на мгновение задумчиво постоял перед телефоном, словно стараясь понять, что он ещё мог бы сделать, что бы скорее доставить отснятый материал в редакцию. Но оставалось только надеяться, на то, что его сообщение будет прослушано в ближайшее время.

Пока кафе не закрылось, он мог оставаться здесь. Возможно час, максимум два. А дальше ему пришлось бы ждать на улице. Но выбора у него уже не было. Нужно было дождаться того, кто приедет.

Он вздохнул огорченно, вернулся к человеку за прилавком и показал на коробку с чаем.

Мужчина налил ему в чашку горячего чая, положил на блюдце два кубика сахара и чайную ложку. Расплатившись, Вивьен устроился за столиком. Он сделал несколько глотков, чай был довольно крепким и заставил его немного взбодриться.

Вивьен сидел недалеко от входа, лицом к окну, смотрел на улицу, и терпеливо ждал, положил сумку с камерой возле себя. Прошло около получаса.

Подожду снаружи, – подумал он, заметив, что дождь уже совсем закончился, и поднялся из-за стола, забирая сумку с собой.

Рассматривая здания, расположенные неподалеку, он увидел двухэтажный дом, достаточно старый, на другой стороне улицы, там где он встретил юношу в окровавленной футболке. В тот момент он не заметил этого дома, вероятно слишком занятый размышлениями, куда ему отправиться дальше, но теперь дом полностью завладел его вниманием. Его фасад был наполовину скрыт высокими решетками забора. Этот вид, словно что-то пробудил в его памяти. И все же... Он старался понять что именно, но ничего не приходило ему в голову. Усиливающийся ветер шевелил ветви деревьев на улице. Шорох листвы в тишине... Поздний вечер... Странное чувство, как будто этот дом отозвался эхом, где то в глубине его сознания, что-то в нём было знакомо ему, но как это могло быть?

Задумчиво оглядывая крышу, окна, стены, он слишком поздно услышал шаги по правую сторону от себя, и, наконец, повернувшись, опять увидел того незнакомца, который теперь подошел к нему совсем близко, и разглядывая его, всё с той же злостью.

Парень был уже не один, за его спиной стояло сопровождение из нескольких человек. Один из которых, резко размахнувшись, ударил Вивьена.

Удар, пришелся Вивьену в висок. От неожиданности и боли, он зашатался и не смог удержаться на ногах.

Они не дали ему опомниться, или хоть немного прийти в себя, сразу следом за первым ударом, на него обрушился град других.

Последнее, что видел Вивьен, теряя сознание, это старый дом.

I.

Стемнело совсем рано, так обыкновенно не бывает в начале осени. Но осень нынешнего, 1900 года, пришла в Москву, торопливо, сменяя лето, как будто прогоняя его, и стараясь захватить власть над столицей. Всё внезапно затянулось, как-будто черной завесой, стало неживым, невзрачным. Опустевшие улицы зажглись редкими фонарями, ввинчивающими свой мутный свет в широкие щели между пыльных дорожных камней.

– Как сыро и неуютно... Слишком скверно, – подумал Антон Андреевич Смыковский, надвигая пониже светло-серую шляпу и кутаясь в поднятый ворот пальто, – мне надо бы скорее теперь домой... Дома все... Дома от камина жарко, – продолжал размышлять он, спускаясь с крыльца высокого здания, под самой крышей которого располагалась вывеска внушительного размера «Завод фарфора».

Антон Андреевич был сегодня задумчив и грустен, впрочем это длилось уже не одну неделю, и лишь благодаря усердным стараниям его, никто не замечал в нём мрачных перемен.

К прожитым своим сорока пяти годам, он добился многого. Сперва, выучился вслед за старшим братом Андреем Андреевичем, на учителя словесности. Затем стал преподавать и с успехом. Однако бедность существования, никак не оставлявшая его, заставила молодого и романтического юношу, коим он являлся, неузнаваемо измениться. Антон Андреевич стал более решителен, откуда-то взялась в нём деловая хватка, проснулась вдруг способность к здравому расчёту, и благодаря всему этому, а главным образом самоотверженному труду, через пятнадцать лет он стал владельцем значительного состояния и завода, содержа теперь в подчинении около тысячи человек. Тем временем, Андрей Андреевич тихо спивался, редкий день был в

трезвом сознании, и хотя состоял в законном браке много лет, детей всё же не имел. Желая спасти брата от приближавшейся моральной гибели, Антон Андреевич построил высокий и просторный дом, чтобы можно было жить всем вместе. И стали жить, Андрей Андреевич, с супругой своей Полиной Евсеевной, и сам Антон Андреевич, тоже с женой, Анфисой Афанасьевой, дочерью Анной и сыновьями Митенькой и Мишенькой.

Долгие годы Антона Андреевича не покидало везение. Всё удавалось ему, каждое усилие приносило свои плоды и заметные результаты. И вот теперь настало тяжелое время, когда дела пошли на спад. Сбывать продукцию произведённую заводом становилось всё затруднительнее. Даже постоянные покупатели теперь значительно ограничивали свои заказы или отказывались от них вовсе. К тому же рабочие, в борьбе за свои права, всё чаще устраивали затяжные стачки и митинги, с каждым разом привлекая в ряды своих сторонников, ещё больше служащих. Грядущий кризис стал очевиден настолько, что его уже нельзя было не заметить или отрицать, далее непременно должно было последовать банкротство, и Антон Андреевич осознавал это полностью. Хорошо зная, сколько крупных промышленников, ныне разорены и нищенствуют, он неминуемо ожидал того же. Единственным спасением для него казалась теперь, лишь небольшая сумма денег, не вложенных в производство, а сбереженная им в его доме, на случай непредвиденных обстоятельств.

Возвращаясь домой, и в который раз размышляя уже о предстоящих неизбежных трудностях, Антон Андреевич не заметил затемненной фигуры, которая шла следом от самого завода и наконец выросла прямо перед ним, словно ниоткуда. Смыковский остановился. Путь ему преградил высокий человек, вероятно немало в тот вечер выпивший и оттого слегка покачивающийся из стороны в сторону, словно часовой маятник. Рванная шапка едва держалась на его голове, тулуп был расстегнут и распахнут ветром, сапоги непоправимо разбиты. Незнакомец сорвал с себя шапку и властно притопнул ногой.

– А ну! Постой барин! – сказал он, держась другой рукой за стену, чтобы не упасть.

Антон Андреевич всмотрелся в грубые мужицкие черты. Всё на лице этого человека казалось ему распухшим, и оттого блестящим, а более всего щеки, воспаленно-красные, неопрятно заросшие седой щетиной. Увидев, как незнакомец старается раскрыть пошире, заплывшие со всех сторон, маленькие, словно пуговицы, глаза, Смыковский улыбнулся.

– Какой же ты... Совсем братец, пьяный, – сказал он.

Прохожий надел шапку на голову, и погрозил толстым пальцем прямо у лица Антона Андреевича.

– Ну это уж ты врешь, Ваше сиятельство, – произнес он сурово, и подойдя к Смыковскому совсем близко, добавил с усилием выговаривая каждое новое слово, – я не пьяный! Ну видишь! Не пьяный!

Антон Андреевич отпрянул немного назад. Сначала он почувствовал, что ему неприятно ощущать на себе дыхание прохожего, потом чувство брезгливости сменилось вдруг чем то другим, он понял, что отчего то ему стало неловко за него, и за других таких же, которые в больших количествах, бесцельно слонялись теперь по улицам, и наконец падали у чьих-нибудь ворот, засыпая беспокойным хмельным сном. Впрочем некоторые из них, уже не просыпались более никогда, другие отмораживали себе ноги, руки и навсегда оставались калеками.

«Ведь и этот в усмерть пьян. И доживёт ли до утра? Зачем? В чём они находят причины для всего этого и как не могут понять, что это не может спасти их от реальности. Никого ещё не спасало», – и он с тоской подумал о том, что и Андрей отличается от таких как этот бродяга, только тем, что пьянствует дома, и не шатается по улицам.

А незнакомец всё не унимался.

– Не пил я! Ну видишь ты, шляпная голова! Не пил! – провозглашал он, как будто надвигаясь всё больше на Смыковского, и кажется даже сжимая кулаки.

– А коли не пьяный, так ты уж дай мне любезный дорожку, позволь пройти, – произнёс терпеливо и утомлённо Антон Андреевич и направился вперёд.

– Нет обожди! – услышал он в ответ, – ты уж по началу, барин, подай нищему денег!

– Кто же здесь нищий?

– Я нищий! Кто же ещё! Я нищий и есть, – ударил себя со всей силы в грудь прохожий, и вновь сняв с головы шапку, нагло протянул её вперёд.

Антон Андреевич отодвинул от себя его руку с зажатой в ней шапкой.

– Какой же ты нищий? Нищие работать не способны оттого, что у них рук не достаёт, или ног, ещё прочие бывают изъяны. А у тебя какой изъян?

– Ты давай мне денег! – повторяя одно и то же, сердился пьяный мужик.

– Скажи, кто ты будешь? Как зовут тебя? – обратился к нему Смыковский.

Тот задумался, закрыл глаза, потом усмехнулся громко, словно обрадовался, что сумел ещё вспомнить имя своё, и тот час произнёс его, что бы вновь не позабыть.

– Парфён Грошкин! Парфёном звать, Парфён Кузьмич я!

– Так я Парфён Грошкин, ведь денег то тебе не дам, – сказал Смыковский, глядя прямо ему в глаза.

– Отчего же, барин, не дашь? – оторопел Грошкин.

– Да оттого, что денег я попросту никому не даю, разве старухе или ребёнку в малых летах.

– А ежели мне денег надобно? – нахмурившись, спросил Парфён.

– Надобно? Ступай поработать хоть на моём заводе, возьму тебя, пожалуй, тяжесть носить. Пойдёшь?

Парфён замолчал. Затем сплюнул зло, натянул драную шапку и кинувшись к Смыковскому, ухватил его обеими руками за воротник.

– Давай денег, барская морда! – кричал он неистово, – Давай! Не то удавлю, да сам возьму!

Не выдержав такого натиска, Антон Андреевич оступися и упал навзничь, однако вскоре ему удалось нанести несколько ударов и отбросить Парфёна в сторону, немного поодаль от себя. Грошкин хрипло дыша, оставался лежать на земле, он бормотал что-то бессвязное, кажется ругал всех состоятельных господ.

– Что же ты творишь? Как стыда тебе достаёт на прохожих нападать, нехристь, нехристь! – приговаривал Антон Андреевич, медленно поднимаясь и отряхивая свою одежду.

Раздосадованный таким неприятным происшествием, он собрался уже уходить, однако услышал позади себя тяжелые шаги и обернулся. Перед ним вновь стоял Парфён, переполненный уже даже не ненавистью, а как-будто какой то звериной злобой, он сжимал в руке большой, с острыми краями, камень. Спустя мгновение, Смыковский почувствовал сильный удар, потом следующий, следующий...

II.

А дома у Антона Андреевича, в этот час, всё обстояло вполне привычно. Митенька и Мишенька весело шумели, гоняясь друг за другом по лестнице, с первого этажа на второй и обратно. Их няня, Дарья Аполинарьевна, предпринимала тщетные усилия, хоть как-нибудь успокоить непослушных мальчиков.

Андрей Андреевич, закрывшись у себя в комнате, оценивал достоинства двух новых наливок, подаренных ему приятелем, из противоположного, соседствующего с ними дома.

Полина Евсеевна, в гостиной продолжала обучение служанки Кати письму. Катя была старательной ученицей, она медленно и аккуратно выводила буквы и всё повторяла:

– Как же мне не позабыть того, чему вы барыня учите меня, уж так мне хочется уметь и читать и писать. С вечера то я все помню, а на утро, будто и половину уже только.

Полина Евсеевна улыбалась терпеливо.

– Ты заведи себе, голубушка, тетрадку, да и пиши в нее всё, что вокруг тебя, так глядишь и не позабудешь моей науки.

Анечка, тем временем, была занята хитрым способом плетения тонкого кружева.

Анфиса Афанасьевна сидела в бархатном кресле, в библиотеке, за закрытыми дверями, просто так, безо всякого дела, перелистывая иногда гладкие страницы, уже давно наскучившей ей книги. Облокотившись на мягкую спинку, она даже задремала как-будто, но тут же и проснулась от тихого стука в дверь.

– Входите, – вяло потянувшись, ответила она.

Одна из двойных дверей робко приоткрылась. Из-за неё показалось гладковыбритое, и пожалуй даже слишком красивое для мужчины, лицо Филарета Львовича, молодого учителя Анны Антоновны.

– Анфиса Афанасьевна, Вы одни? – спросил он оглядывая комнату и немного наклонившись вперёд.

– Одна, голубчик, одна, – произнесла она всё тем же, то ли сонным, то ли недовольным голосом, откладывая книгу в сторону, – увлечена только бездельничеством, да скукой.

– Это верно и хорошо, что Вы одни... Я к Вам непустячный разговор имею.

Немного неуклюжий от волнения, Филарет Львович затворил за собой дверь, и обошел кресло так, чтобы видеть Анфису Афанасьевну лучше.

Смыковская указала ему на диван с резной спинкой.

– Прошу Вас. Не позвать ли Катю, желаете чая?

– Нет, нет, благодарю, однако я предпочел бы начать разговор скорее, – всё более заметно волнуясь и теребя свой манжет длинными пальцами, произнёс юноша.

– Разговор... – повторила она, утомлённо вздохнув, – ну что ж, извольте, начинайте теперь, пока не появилось у меня какое-нибудь внезапное и безотлагательное дело, так знаете ли часто случается во время серьёзных разговоров, вдруг что то прерывает их и приходится откладывать на потом. А когда наступит это потом... Да, да, я слушаю Вас, слушаю...

– Я намерен говорить с Вами о Вашей дочери.

– О дочери моей? – удивилась Смыковская и даже встала с кресла, окончательно избавившись от гнёта сонливости, – А что собственно произошло? Она уроков Ваших не учит, или и вовсе к языкам не способна?

Филарет Львович, кажется, нервничал всё больше.

– Нет. И я бы даже сказал напротив, Анна Антоновна барышня весьма впечатляющих способностей, и отношение её к урокам чрезвычайно прилежное. А дело ведь здесь... Совсем в другом...

– К урокам готова, одарена способностью, но что же тогда?

Филарет Львович замолчал. Казалось он боролся сам с собой, заставляя себя продолжить уже начатое, и понимал, что остановиться уже нельзя и боялся сделать следующий шаг.

– Прошу Вас, будьте снисходительны, – всё же собравшись с силами произнес он едва слышно, – мне о таком говорить с Вами крайне неудобно...

– Ах, да говорите же, наконец! Вы уже взволновали меня, а между тем, дело Ваше быть может волнения моего и не стоит.

– Что ж, тогда я буду краток, и скажу Вам прямо, не выбирая мягких выражений. Словом, я недавно обнаружил, что Анна Антоновна проявляют ко мне неоднозначные интересы, а вернее сказать напротив, интересы одного только личного значения! – закончив фразу, Филарет Львович облегченно выдохнул.

Анфиса Афанасьевна, не сказав ни слова, закрыла быстрым движением лицо руками, отвернулась к окну и вдруг расхохоталась. Филарет Львович, никак не ожидавший от неё такого, молча присел на край дивана.

– Ах, боже мой, а напугали то, напугали, – повторяла Смыковская, продолжая смеяться и расхаживая вокруг сбитого с толку учителя.

– Я не могу понять, – говорил он, поворачиваясь вслед за ней, – отчего это внезапно Вам сделалось смешно, разве не видите Вы, не понимаете, всю серьёзность неприятного положения моего?

– Филарет Львович, милый, – ласково и с наставлением, произнесла Анфиса Афанасьевна, проведя теплой рукой по его щеке, – да разве можно так близко всё переживать и так опасаться всего?

– Я не понимаю Вас...

– Что же для Вас не понятно? Вы меня напугали совсем напрасно. Придите же в себя и рассуждайте здраво. Вот именно, здраво. Что есть такое Анна Антоновна? Анна Антоновна всего только девица, шестнадцати лет. Её ещё не повзрослевшее, и даже будем говорить ясно, совершенно детское, мышление, занято теперь одними мечтаниями. Она предаётся фантазиям, ищет повсюду предмет своей желаемой влюбленности, и похоже невольно нашла его в Вас. Однако, где же здесь трагический смысл?

– Позвольте, вновь заговорил Филарет Львович, – но ведь они подбрасывают мне цветы. Записки. И не одну, а множество. И всякий раз, когда я менее всего ожидаю...

– Ну так что же? – перебивая его, настаивала Анфиса Афанасьевна, – записки, цветы, ведь это глупость. Совершенная глупость. Ведь это пройдёт очень скоро, исчезнет, растворится, а нынче зачем же Вам печалить бедняжку, отталкивая её внимание к Вам. Вы умнее, Вы должно быть уже лучше её жизнь изучили, на Вашей стороне так много веских преимуществ, что Вам, помилуйте, и поддаться слегка будет совсем не трудно. Ну ведь не трудно?

Филарет Львович только развёл руками в недоумении.

– Нет, я не могу всё же понять Вас...

– Да, да, поддайтесь! – продолжала Смыковская, – Поддайтесь, ей приятным это покажется, а Вам ничего не стоит. Вот Вы когда-нибудь улыбнётесь ей едва заметно и позабудете тут же, а она недели на две счастье обретёт, и покой, разве жаль Вам для неё счастья и покоя? А после, у неё к Вам всё пройдет. Непременно пройдет и следа не оставит. Вы уж поверьте опыту в прошлом чрезвычайно влюбчивой барышни, которая теперь перед Вами.

Филарет Львович опустил голову и отошел в сторону. Он принялся, словно размышлять вслух.

– Возможно Вы и правы. Где то правы, однако я именно из-за Вас и не могу принять от Анны Антоновны знаков внимания...

– Отчего же из-за меня? – используя всё своё женское умение, изобразила удивление Анфиса Афанасьевна, и у неё кажется даже получилось зажечь лицо румянцем.

Филарет Львович взглянул на неё, но в этот раз уже совсем не робко, а даже напротив, решительно и довольно дерзко.

– Да! Из-за Вас! И только из-за Вас! Неужели Вам всё ещё не заметно, как я охвачен Вами, вот уже более пяти месяцев, как стараюсь справиться с собой. И не могу...

Смыковская взмахнула рукой так, словно желала теперь отодвинуть от себя слова, сказанные им, и повисшие перед ней в воздухе.

– Оставьте Филарет Львович. Не забывайте о приличиях, – заметила она.

В ответ на её замечание, юноша лишь подошёл к ней ближе. Настолько, что она уже почувствовала его неровное дыхание на своем лице.

– Я не могу, не в силах больше, Вы так ослепительно хороши, – шептал он страстно.

Анфиса Афанасьевна совершила несколько шагов в сторону.

- Но я ведь много старше Вас. Вам нынче сколько?
- Двадцать четыре исполнится уже на будущей неделе.
- Двадцать четыре? Вот видите, я всё же старше.

Филарет Львович вновь приблизился к ней, и оглянувшись она поняла, что отступать уже более у неё возможности не будет.

- Но для меня это не важно. Я смотрю и вижу Вас лет восемнадцати не больше.
- Пусть даже и так, – Смыковская в первый раз взгляну в глаза влюблённому учителю так, что он ощутил жар во всём теле, – но прошу Вас, не забывайте, я замужняя дама.

Филарет Львович, так и не посмеяв дотронуться до неё, отдернул руки и обхватил ими свою голову так, как если бы его мучила мигрень.

– Я думаю об этом всякий день... И я считаю, что мы могли бы убежать, да, мы могли бы скрыться и Ваш муж никогда бы не смог отыскать нас.

– А как же дети? У меня их трое, Вы я надеюсь, не позабыли об этом?

– Да, дети... Дети... – повторял молодой человек, стараясь собрать свои мысли воедино, – разумеется, пока я не имею достаточных средств, чтобы содержать всех троих, но я полагаю, что Ваш муж теперь и не изъявит желания расставаться с ними.

Анфиса Афанасьевна вздохнула. Подошла к столу, словно в задумчивости, провела по нему плавной рукой. Затем по краю фарфоровой вазы, пепельнице, скатерти...

Он не отрывал взгляда от волшебного движения её пальцев. И затаив дыхание смотрел на неё.

– Вы очень горячи. Слишком... – произнесла она вкрадчиво, – Да, не стану скрывать, что и я не однажды, глядела на Вас с тихим восхищением, а порой испытывала даже нечто совсем другое, возможно большее...

– Это правда, Анфиса Афанасьевна? Неужто правда? – прервал её Филарет Львович, бросившись к ней, в стремлении целовать её руки, но Смыковская слегка оттолкнула его.

– Погодите же, я ещё не закончила, – как-будто рассердилась она, – да, это правда. И всё же, я не могу так скоро решиться на столь серьёзную перемену. Поймите же, мне необходимо всё обдумать, всё подготовить, а пока мы могли бы видеться тайно, не заметно для прочих глаз, и в первую очередь, для Антона Андреевича.

Лицо влюбленного Филарета Львовича переменилось. Оно выразило счастье и полное всем удовлетворение.

– Видеться с Вами?! Какое счастье! Какое блаженство, какая честь для меня, – приговаривал он, смеясь и заключив Смыковскую в свои объятия.

Однако она вырвалась из его рук, засмеялась звонко и направилась к дверям.

– Ну вот и вышло, что я безоговорочно права, – сказала она весело, – принимайте отныне влюблённость моей дочери, и чуть заметно отвечайте ей, словно подавая крошечную надежду. Тогда мы с Вами окажемся в тени и будем свободны совершенно в поступках. Хотите ли так?

– Да! Я хочу! – повторял он как замороженный, – Право, Вы поражаете меня всё сильнее... Я искренне верил в неизмеримую силу красоты Вашей, а теперь вижу, что Вы ещё и настолько же умны, и это сводит меня с ума.

Громоздкие часы в углу комнаты, пробили девять раз. Анфиса Афанасьевна поглядела на них, и заметно заторопилась.

– Ступайте же теперь, ступайте, – отталкивая от себя учителя, произнесла она, – Антон Андреевич должно быть уже к дверям приближается. Только прошу Вас, помните, что с сегодняшнего дня Вы должны быть внимательны и осторожны. Одна Ваша неловкость и всё может бесповоротно закончиться. Слышите ли Вы? Бесповоротно.

Не успел ещё Филарет Львович покинуть библиотеку, как дверь, тихонько скрипнув, отворилась. На пороге стояла Анна Антоновна. Белокурая и синеглазая, она держала в руках только что сплетенное кружево.

– Вы только поглядите, маменька, какому узору обучила меня тетушка Полина! – сказала она весело и беззаботно.

Наконец она заметила учителя. С лица её пропала и беззаботность, и веселое выражение. Она опустила руки с кружевом, так как будто это стало чем-то совсем уже незначительным.

– Я не заметила Вас, господин Кутайцев. Должно быть лучше я зайду, когда Вы решите своё дело.

– Нет, отчего же, останься, Анечка. То дело, с которым пришёл ко мне господин учитель, тебя напрямую касается.

Анна Антоновна удивленно поднял глаза. Но ещё более удивлён, и кажется даже немного испуган, был юноша, который не знал чего ожидать в продолжении этой фразы, и о чём именно Анфиса Афанасьевна хочет рассказать своей дочери.

Но Смыковская не заставила их ждать слишком долго.

– Так вот, Филарет Львович поделился со мной своим восхищением от твоих успехов в его предмете. Так ли это господин учитель?

– В точности так, – и учитель почувствовал, как облегченно стало восстанавливаться его, прежде сбитое дыхание.

– Однако тебе о том, знать бы не следовало, – ласково улыбаясь, добавила Смыковская и обняла дочь за плечи, а затем погладила по голове, – чтобы не загордиться вдруг.

– В самом деле Филарет Львович? Неужели Вы похвалили меня? – переспросила Анна Антоновна, – ведь Вы никогда меня не хвалите, и даже напротив всегда ко мне так суровы, словно сердитесь.

Филарет Львович, к тому времени, уже сообразивший, как именно следует ему подхватить идею, умело придуманную Анфисой Афанасьевной, стал подыгрывать ей, и не менее ловко, так будто они играли на чувствах Анечки, как на рояле, в четыре руки.

Сначала он оставил своё лицо таким же серьёзным, потом, начал произносить речь, так словно это был урок, и постепенно, с каждым новым словом, лицо его преображалось, становилось добрее.

– Да-с, похвалил и более скажу, Вы ко мне не справедливы. Я бывал и строг к Вам, это верно, но всё лишь оттого, что следуя предназначению своему в Вашем доме. Учитель не может постоянно представлять из себя этакое соединение доброты и поощрения. Тем самым он портит ученика. Заставляет его невольно останавливаться и гордиться лишь уже достигнутым. Да, я суров. И всё же я непременно отмечаю для себя Ваши способности и прилежность. А более всего, рад поделиться замечаниями этими с Вашей матушкой.

Должно быть, он говорил бы и ещё, но в комнату вбежала Дарья Аполинарьевна, женщина весьма грузная, и оттого тяжело дыша, она старалась говорить как можно громче, что бы скорее рассказать о чём-то.

– Барыня! Анфиса Афанасьевна! Беда у нас, – запричитала она, и продолжая взмахивать руками, как будто слова у неё закончились.

Смыковская почувствовала пронзительный холод в ногах.

– Что?

– Митенька, Митенька, – повторяла глупая няня.

– Что с ним, ну же, успокойся и скажи мне, наконец, что с ним?

– Митенька говорит, что Мишенька проглотил пуговицу со своего пиджачка! Не углядела я, барыня! – и няня уронила руки на свою пышную юбку.

– Вот наказание! – воскликнула Смыковская, – скорее же к нему, скорее!

Филарет Львович и Анна Антоновна остались в библиотеке одни.

– И я также, пожалуй, пойду, разрешите откланяться, – проговорил сбивчиво учитель, избегая при этом смотреть в сторону своей ученицы.

– Как? Вы уходите? Прошу Вас задержитесь. Я надеялась... Я хотела бы...

– Нет, нет, Анна Антоновна, прошу меня извинить, я должен отписать письмо моей матушке, прочесть Ваш завтрашний урок и подготовиться к нему.

– А ужин? Вы спуститесь к ужину? – теряя последнюю надежду, спросила барышня, и глаза её всё более гасли.

– Благодарю, но вынужден отказаться, – твёрдо стоял на своём Филарет Львович, – я признаться отрицаю, всякие приёмы пищи в позднее время, а сегодня даже больше, чем когда-либо.

– Отчего же сегодня более?

– Папенька Ваш изволит задерживаться, и я полагаю, что к ужину сегодня приступят не ранее одиннадцати часов, – пояснил молодой человек, – Впрочем я так же не уверен, что ужин сегодня состоится вообще хоть для кого-нибудь в этом доме, оттого что ещё не ясно, что станет с Вашим младшим братом. А потому, до завтра, Анна Антоновна. Желаю здравствовать.

Спешно достигнув дверей, Филарет Львович исчез.

Анна Антоновна отбросила в сторону кружево, уже изрядно мятое, за то время пока она нервно перебирала и сжимала его в своих руках. Затем вздохнула огорченно, достала из рукава шелковый платочек и промокнула им свои увлажнившиеся синие глаза.

– Не замечает... Совсем не замечает меня... – грустно приговаривала она.

Минуло ещё около получаса или чуть более, и когда Анфиса Афанасьевна спускалась по лестнице вниз, возвращаясь из детской, первой к ней подошла Полина Евсеевна.

– Что же Мишенька? Анфиса, не нужно ли послать за врачом?

– Это всё вздор! Пустое, Поля, не нужно, не нужно врача, – устало ответила Смыковская.

– Мне всё же кажется, что это очень серьёзно, – взволнованно добавила Полина Евсеевна, – возможно, ты напрасно не принимаешь во внимание всю тяжесть положения, ведь это пуговица...

– Он не глотал пуговиц, – прервала её Анфиса Афанасьевна.

– Нет, не глотал. Он негодяй, только оторвал её и спрятал в кармашек незаметно. И ведь смотри-ка, совсем ещё мал, а уже лжёт. Верно станет карточным шулером, когда вырастет.

С этими словами, Анфиса Афанасьевна взяла со столика узкий графин и рюмку на низкой ножке. Налила себе немного коньяка и выпила, закрыв глаза.

– Не представляешь Поля, как устаю я от всего этого... Кажется иногда, что разделась бы, сняла с себя всё, и вышла за порог, и что бы никогда не вспоминать ни о ком, кто в этом доме, – она замолчала, затем открыла глаза, и словно провела черту под словами своими, – Невозможно...

Ореховые часы в гостиной, дождавшись когда позолоченные стрелки достигнут цифры одиннадцать, пробили снова. А те, что были в библиотеке, отозвались. И по дому пронеслось будто эхо этого боя.

Полина Евсеевна подошла к окну.

– Что то тревожно мне Анфиса... Душа мается, места не найдёт, – сказала она, вглядываясь сквозь стекло в темноту пустых улиц.

– Ты о чём, голубушка? – не поняла Смыковская, поправляя у зеркала, чуть растрепавшуюся причёску.

– Антона Андреевича всё нет. Не случилось бы с ним чего.

– Ты слишком мнительна Поля, тебе нужно попросить доктора прописать тебе успокаивающие порошки. Он задержался верно, на заводе. Нынче у него столько дел, скоро не упрaviшься.

За окном подул резкий ветер и несколько липовых веток, задели по стеклу, издавая неприятный скрипящий звук.

– Слышишь? – испуганно спросила Полина Евсеевна, – будто застонал кто-то.

– Да что же это с тобой сегодня? – раздраженно отмахнулась от неё Анфиса Афанасьевна, – мерещатся тебе всякие страхи. Лучше ступай, в самом деле, погляди как там твой супруг, скажи ему, что скоро будем ужинать.

– Я уж была у него. Он нетрезв, впрочем, как и всегда. Заснул. И храпит так, что сотрясаются, кажется и потолок, и стены. Я скажу тебе прямо, не верю больше, что когда-нибудь это переменится. Из одного дня в другой он пьян, неопрятен, не способен ни говорить, ни размышлять ясно.

В гостиной появилась Катя, аккуратная, в белом, накрахмаленном переднике.

– Что же барыня, – спросила она, обращаясь к Анфисе Афанасьевне, – подавать ли ужин?

– Подождём ещё немного, – ответила Смыковская, – вот явится Антон Андреевич, тогда и станешь подавать. А пока ступай, приberi в моей спальне. Я после сама позову тебя.

Выслушав со вниманием распоряжения хозяйки своей, Катя затем и удалилась, передвигаясь неторопливо и важно, как большая птица.

Анфиса Афанасьевна уселась на диван.

– Присядь со мной Поля, – сказала она, и дождавшись, когда Полина Евсеевна устроиться рядом, обратила к ней свой пристальный взгляд.

– Я давно уж спросить тебя хотела, отчего это ты всех в доме попросту зовёшь, и только Антошу моего, величаешь всегда с отчеством, и чувствуя я, что почтения у тебя к нему больше, чем к другим, а ведь он старше тебя, всего только на пять лет.

Менее всего ожидая сейчас вопроса такого, Полина Евсеевна не сразу смогла ответить ей.

– Дело и вовсе, Анфиса не в возрасте, – постаралась объяснить она, – Антон Андреевич личность. И мне нечего будет добавить тут ещё...

– А я, по-твоему значит, не представляю из себя личности? Нет уж ты изволь тогда и ко мне обращаться с почтением, – обиженно произнесла Смыковская, отворачиваясь в противоположную от Полины Евсеевны, сторону.

– Ты другое, ты для меня словно сестра родная.

– Пусть и так, ну а супруг твой? Что же и он никакого уважения не стоит?

– В Андрее Андреевиче ничего от личности нет. И мне о том давно известно.

– Так ты не любишь его совсем? – удивилась Смыковская, заглядывая в лицо Полине Евсеевне, словно пытаясь отыскать там самую правду, – Ну уж, душенька, не ожидала я от тебя!

– Я что-то испытываю к нему, – старалась рассуждать Полина Евсеевна, – Но вот что? Любовь... Нет, нет, без сомнения то, что я ещё чувствую, любовью назвать нельзя. Может быть терпением, состраданием, не знаю, впрочем, чем ещё... Он болен, неизлечимо... Не проживая в трезвом сознании ни дня, ни часа, он беспричинно убивает себя, и я не нашла ничего другого, как только гибнуть вместе с ним. Покорно. Молчаливо. И верно так же беспричинно. Сама не представляю для чего.

Полина Евсеевна стала печальной, мрачной, и лицо её переменялось так сильно, что казалось теперь совсем измученным.

– Ещё немного и он затащит меня в эту бездну, из которой мне уже не выбраться. И знаю я это. И остановиться не могу. Словно попала в водоворот на реке.

– Поля? Неужто это правда всё? – теребя её за плечо, повторяла Смыковская, – Ужели ты погибаешь вместе с ним? И готова гибнуть?

– К несчастью всё это правда, – с тоской произнесла Полина Евсеевна.

– А я ведь и сейчас помню, как став законной супругой Андрея, ты отказалась принять фамилию его и осталось Еспетовой. Всё это оттого, что ты любви к нему никогда не имела?

– Разумеется дело не в том, оставшись Еспетовой, я только предсмертную волю приёмной матушки своей исполнила. Я тогда ещё не успела разгадать, что Андрей болен пьянством и относилась к нему много лучше, чем теперь, а потому и фамилию бы сменила, если бы не матушкин запрет.

– Отчего же она запретила? – не скрывая интереса, допытывалась Анфиса Афанасьевна.

– Из-за родителей моих, которых я не знала. Истинная моя матушка, рожала меня не в поместье, где с отцом моим жила, а у своей тётки в соседнем владении. Родила она легко, без тягостных последствий, и батюшка уже на следующий день решил забрать её обратно. Ехали они зимним лесом и встретились им дорожные грабители. Те пограбили их, взяли всё, что смогли, матушку с отцом не пощадили, забили до смерти, да потопили в проруби. А тут уж крепостные мужики подоспели и меня отстояли. Недельку крестьянка меня выхаживала, кормила своим молоком. А уж потом матушкина тётка к себе забрала и записала в приёмные дочери. Я от неё умирающей эту тайну узнала, и клятву ей принесла, что ни в жизнь не забуду о родителях своих невинно убиенных и фамилию отца сберегу. На следующий день, как тетушку схоронили, супруг её и сын, подобрали мне вещи, самые надобные, завернули их в узел и за воротами меня оставили. Побродила я тогда по свету. У кого только горничной не служила. Вышла замуж, да мальчика родила.

– Что же у тебя и сын есть? – всё больше поражалась услышанному Анфиса Афанасьевна, – Где же он теперь?

– Нет его. И Алексей Лукич, муж мой, рано в иной мир отправился. Заболел тяжко. А от него видно и Николушка, сынок, захворал. Он заразился, а мне ничего... Чудно в этом мире всё. Лечила я его, из сил выбивалась, себя не жалела ни вот столечко, а всё одно, и он не остался со мной... Десяти годков ещё не было. Андрей поди помнит его. Он Николушку в гимназии словесности учил.

– Как же ты несчастлива, в самом деле, Поля, – огорчённо произнесла Смыковская, – когда бы хоть что-нибудь случилась с моими мальчиками, я бы верно с ума сошла или руки к себе приложила.

– И я в ту пору, словно с ума сошла. Чего только с собой не творила, бывало целыми ночами думала, какое ещё убийство над собой совершить, что бы уже навверное, без возврата, да всё не выходило. Андрей неведомым образом, всякий раз подле меня оказывался и смерть мою отводил. А после и жениться пожелал. Я то о себе давно позабыла. Он пожелал. Я отчего то согласие дала.

За окнами слышались негромкие разговоры, необъяснимый шум, возня. Затем постучал кто-то в тяжелую входную дверь.

– Антон наконец! – воскликнула Анфиса Афанасьевна, легко и скоро вскочив с дивана.

– Постой, удерживая её за руку, настороженно прошептала Полина Евсеевна, – чужие там, не он.

Смыковская остановилась, прислушиваясь к голосам за дверью.

– Фёдор! – отступив медленно назад, позвала она.

Перед ней появился Катин муж, служивший им так же давно, рябой, широкоплечий и низкорослый.

– Здесь я барыня, – откликнулся он.

– Отвори-ка братец, дверь, да погляди, кто пожаловал.

– Тяжело шагая, Фёдор подошёл к двери, прислонил к ней ухо, чтобы сперва послушать, что там на улице делается, и лишь затем, отодвинул засов и открыл.

На крыльце ждал седой, шуплый старик, несмело войдя в гостиную из темноты и не оглядевшись, он поклонился низко сначала угрюмому Фёдору, потом одной и другой барыням.

Анфиса Афанасьевна сразу признала его. Это был человек с завода, служивший сторожем уже много лет, ещё у прежнего владельца.

– Аверьян, – тот час спросила она.

– Добро вам здравствовать, – поклонившись ещё раз, произнес старик.

– А завод что же, без присмотра оставил? – недоумевала Смыковская.

– Как же это можно без присмотра? Без присмотра никогда не бросил бы. Сын мой там, Никифор, глядит, что бы всё ладно было. Строго глядит.

Полина Евсеевна всё это время напряжённо молчала, с трудом унимая странную дрожь в холодных руках.

– Так вот значит, – суетливо огляделся старик, – надо бы барина в дом занести.

Услышав слова сторожа, Еспетова встала с дивана, побледнела и пошатнулась.

– Да о чём ты Аверьян, какого барина? Право чудно так говоришь и сути не разобрать, – всё так же растерянно сказала Анфиса Афанасьевна.

– Обыкновенного барина, – удивляясь её непонятливости, объяснил старик, – моего хозяина, а вашего стало быть супруга.

Смыковская обернулась к Полине Евсеевне. Недоумение её сменилось вначале едва заметной улыбкой, будто она решила, что с ней глупо и неинтересно шутят, а после ужасом и страхом.

– Где он теперь? Жив? – набравшись сил, спросила Еспетова.

– Живой ещё, – ответил Аверьян и обернувшись, указал рукой на дверь, – там он, на улице лежит. Мы с Маркелом, меньшим сыном моим, насилу донесли его.

Полина Евсеевна метнулась к двери и распахнув её настежь, выбежала на улицу. За ней бросилась и Анфиса Афанасьевна, после подоспели Аверьян с Фёдором.

Увидев Антона Андреевича на земле, окровавленного и лишённого сознания, Еспетова замерла и чувствуя, как всё в ней слабеет, медленно опустилась рядом с ним на колени. Однако Смыковская тут же подняла её, обхватив за плечи.

– Ну, что же ты, милая, что ты, возвращайся в дом, – приговаривала она, отводя Полину в сторону.

На улицу высыпали Катя, Дарья Аполинарьевна, и сразу же за ними Анна Антоновна.

– Что же это делается?! Да что же это?! – причитали в два голоса няня и служанка, оббегая почти мертвого Антона Андреевича, и чуть не сталкиваясь друг с другом. Анна Антоновна же, совершенно испуганная всем происходящим, стояла не шевелясь, лишь изредка вытирая крупные слёзы, текущие по щекам.

– Оставьте ваши истерики! До них ли теперь? – прикрикнула Смыковская на галдящих женщин, – Катя! Беги за доктором! Да скорее, слышишь! Скорее! Скажи ему Анфиса Афанасьевна просили непременно прибыть и без промедления.

– Это что же, к господину Клюквину? В Скворцовый переулок? – переспросила Катя.

– Да, да! К нему! Ну зачем же ты ещё здесь? Скорее нужно! – негодовала Смыковская, – Дарья, а ты уведи Анну Антоновну! Незачем ей здесь. Фёдор! Что же ты глядишь, болван! Бери осторожно барина, да носи его в дом. Маркел! Голубчик, помоги ему...

Со всей аккуратностью, какая только была возможна, Фёдор и Маркел приподняли Антона Андреевича с земли. Смыковский застонал тяжело, ресницы его вздрогнули, но глаза так и не раскрылись. Молча переглянувшись, Фёдор и Маркел, с барином на руках, направились в дом.

Антона Андреевича уложили на диван в гостиной. Он был совсем не похож на себя. Всегда отличавшаяся лоском, и со вкусом подобранная, одежда его, теперь оказалась изодрана в клочья и вся сплошь перепачкана дорожной пылью и грязью. Правая рука бессильно свисала вниз, левая, вяло сжатая в кулак, лежала на груди. По вискам и по шее, извилистыми струйками стекала темная кровь, ударяясь об пол, густыми частыми каплями. Прежде непременно гладковыбритое и даже молоджавое лицо, затянулось мелкими морщинами и оттого казалось постаревшим на много лет.

Заметив, что Смыковский шевелит губами, будто произнося что-то, совсем тихо, Анфиса Афанасьевна склонилась над ним, и явственно услышала только одно, повторяющееся слово «Нехристь»

– Что же это, в самом деле, – спросила она, – и отчего доктора всё нет...

К Антону Андреевичу приблизился несмело Аверьян.

– Должно быть напали на барина, – предположил он, – вон как искалечили то всего...

Ах страдалец, какие муки принимает...

– Кто же мог напасть? – сквозь слёзы произнесла потеряно Полина Евсеевна, – Гроби-тели?

– Я сам не видал, – развёл руками Аверьян, – пришли ко мне сыновья, молока принесли, хлеба, пришли и говорят дескать бежим батька скорее, на улице хозяин твой лежит, вроде помирает.

– А ты Маркел, никого не видел? Не приметил ли чего? – спросила Анфиса Афанасьевна.

Маркел заметил взгляды, обращённые к нему, смутился, пожал плечами и опустил молча голову.

– Маркелка! – зашипел старик, – а ну соображай кого видал! А может и вовсе, это вы с Никишкой сами то и покалечили барина? Отвечай!

Маркел тут же поднял голову и закивал ею в разные стороны.

– Нет, нет, – твердил он испуганно, – да что ты, батя, когда мы барина увидели, он уж вот такой, как сейчас был, а за углом тень мелькнула и пропала совсем.

– Не врёт, – махнув рукой и отвернувшись от сына, сказал облегченно Аверьян, – я его шельму знаю, он всякий раз, когда лукавит, весь наружностью белеет и в глаза мне страшится поглядеть. Стало быть другой душегубец такое греховное дело сотворил.

Полина Евсеевна подошла к Смыковскому ближе.

– Не могу понять, – сказала она, стараясь сдерживать тот сумасшедший страх, который постепенно заполнял ее всю, – чем заслужил Антон Андреевич такое испытание, за что он так Богом наказан? Или нет его вовсе, Бога-то?

Аверьян окинул ее презрительным взглядом, отошел чуть в сторону и перекрестился.

– Пойдём мы барыня, – сказал он, подталкивая вперед сына.

– Ступайте. Вот-вот доктор появиться. Здесь лишних не нужно, – ответила Смыковская.

Старик поклонился ещё раз, сам не зная кому, словно всем разом, и ухватив Маркела за руку, ушёл. Фёдор молча закрыл за ним дверь и вернулся в гостиную.

– Как бы не преставился в самом деле супруг мой, как жить тогда стану, с тремя то детьми, – вздохнула Анфиса Афанасьевна, обращаясь к Еспетовой, но та молчала.

– Поля? Ты слышишь? – громко позвала Смыковская.

Полина Евсеевна обернулась к ней.

– Я спрашиваю, голубушка, как ты полагаешь, умрёт он или всё же нет?

Полина Евсеевна ответила не сразу, она как-будто задумалась о чем-то слишком глубоко и не смогла тут же оставить свои мысли.

– Нет, он не умрет, – твердо произнесла она, – разве он способен поступить с нами так страшно. Я совсем забыла... Я сейчас! Я скоро! – добавила она, неожиданно рванувшись к двери и выбежав на улицу.

– Куда же она? Неужто разума лишилась в довершении ко всему? И отчего до сей поры нет здесь врача? Право, силы кончились его ожидать, – рассердилась Смыковская.

Когда Полина Евсеевна оказалась за дверью, на крыльце, старик Аверьян с сыном, были уже далеко от дома Смыковских, еще немного, и они окончательно скрылись бы в ночной тьме. Испугавшись этого, Еспетова крикнула:

– Маркел! – очень громко, как только могла.

Маркел оглянулся, вслед за ним повернулся и старик.

– Подождите, прошу вас! Не уходите! – кричала Полина Евсеевна, и увидев, что они остановились, она сама бросилась к ним.

– Я так боялась, что вы уйдете, – говорила она, задыхаясь, то сторожу, то его сыну, – уйдете совсем, и я уж более не увижу вас.

Маркел удивленно переглянулся с отцом.

– А зачем мы вам, барыня, понадобились? – настороженно спросил Аверьян, – мы уж свое отслужили, и рассказали то, о чем самим известно. Так, чего ж ещё?

– Я отблагодарить вас хотела. Только это, и более ничего.

Отец и сын вновь посмотрели друг на друга.

– Наличными средствами я не располагаю, – продолжала Еспетова, – всеми расходами занимаются Антон Андреевич с супругой, оттого и деньги у них, мне они без надобности. Однако кое-что из ценного, я все же имею. То, что сделали вы сегодня, что жизнь Антону Андреевичу сберегли, я забыть до конца своих дней не смогу, и оттого, благодарность свою выражаю вот этим...

Полина Евсеевна сняла два кольца, с одной и с другой руки, и протянула их старику.

– Это резное, тебе Аверьян, а это, потоньше, но с камнем, твое Маркел, ну берите же, отныне вы им полные хозяева.

Аверьян, без промедления, не дожидаясь уговоров, ухватил цепко оба кольца и спрятал их в свой карман.

– Благодарствую, – сказал он и принялся кланяться, подтолкнув сына, Маркел поклонился вслед за ним и еще ниже.

Полина Евсеевна улыбалась радостно, довольная своим поступком.

– Да, но я ведь про Никифора позабыла, – произнесла вдруг она, – Так пожалуй, не правильно будет, он тоже вместе с Маркелом, нашел Антона Андреевича, вот только, что же мне подарить ему?

Еспетова взглянула на свои руки.

– Из колец осталось только обручальное, – огорченно сказала она. – Впрочем, у меня же есть еще крестик нательный, золотой.

Приподняв волнистые темные волосы, уложенные в пышную прическу, Полина Евсеевна решительно сняла с шеи крестик на цепочке, и протянула его старику.

– Вот, возьми, Аверьян, только непременно отдай его Никифору, такая моя воля, исполни ее.

Аверьян спрятал крестик так же скоро, как и кольца.

– Зря вы так барыня, – то ли с жалостью, то ли с укоризной, сказал Маркел, – не к добру это, крест с себя снимать. Теперь должно быть несчастье узнаете.

– Я Маркел, сегодня веру свою потеряла, да и несчастье давно уж за плечами моими стоит, как приметил меня, так и не отступает, и кажется, я даже привыкла к нему.

В последний раз, с тоской посмотрев на Аверьяна и сына его, Полина Евсеевна, затем повернулась, и медленно пошла к дому.

– А барыня то кажется, даже слишком о чужом муже тревожиться, – хитро улыбаясь, прошептал старик, когда Еспетова была уже довольно далеко, – Гляди-ка, последнее с себя отдала.

– Чудная... – задумчиво произнес Маркел, разглядывая исчезающие в темноте, тонкие очертания Еспетовой.

III.

Войдя в дом, Еспетова, первым делом увидела господина Клюквина, осматривающего Антона Андреевича. Рядом, заламывая руки, из стороны в сторону расхаживала Анфиса Афанасьевна. Тут же была и Катя, не останавливаясь ни на минуту, она проворно подавала доктору, то горячую воду в кувшине, то фарфоровый таз, то чистые полотенца.

Доктор производил осмотр молча, лицо его, напряженное и хмурое, выражало кажется, одну только безнадежность.

Случайно переведя взгляд, Полина Евсеевна заметила в углу, скромно сидящего на шелковой подушке кресла, священника, отца Якова.

Священнослужитель был невероятно грузен, именно от грузности своей, дышал тяжело и даже порою со свистом, носил черную редкую бороду, лежащую клинышком на животе, и при всех обстоятельствах, не выпускал из рук, изрядно потертую Библию. Тускло-серые глаза его, почти всегда были устремлены вверх, то ли от неустанной молитвы, то ли от продолжительных ежедневных размышлений. И хотя многие в округе считали его невероятно добрым и ранимым человеком, что и в самом деле было так, состояние Полины Евсеевны теперь было так тяжело, что она возненавидела его, отчего то, даже более всех остальных.

Анфиса Афанасьевна, все это время, постоянно глядевшая на двери, ожидая возвращения Еспетовой, наконец, заметила ее, стоящую робко на пороге, и оставив доктора с Катей, сама поспешила к ней.

– Ну, что же ты, оставила меня в такой час, ушла неизвестно куда и отсутствовала так долго, – стараясь устыдить Полину Евсеевну, говорила Смыковская.

– Анфиса? Священник в доме? К чему это? – спросила Еспетова слабым, чуть слышным голосом.

– Поля, Поля, как же к чему? – запричитала Смыковская, – умирает, кажется, мой супруг, а стало быть, должно батюшке в доме быть.

– Умирает... – повторила Полина Евсеевна, и бледность снова вернулась к ней.

– Да, милая, всё к тому идет. Так совпало, что отец Яков, как раз у господина Клюквина был, когда Катя пришла, вот Павел Николаевич и взял его с собой, чтоб уж отдельно потом за ним не посылать.

– Нет, нет! Невозможно! Рано! Рано священника позвали, Анфиса! Рано! – словно очнувшись, сказала громко Полина Евсеевна и направилась стремительно к отцу Якову.

– Я прошу вас, оставить наш дом. Вам здесь быть еще не ко времени, – резко произнесла Еспетова, указывая батюшке на дверь.

Господин Клюквин, услышав такие слова, посмотрел на нее с удивлением, однако предпочел не вступать, и промолчал.

Анфиса Афанасьевна, стоявшая позади Еспетовой, нервно теребила ее за плечо.

– Поля! Что ты творишь, безумная! Как можно батюшку, церковного служителя, врачующего души наши, уберегающего нас от греха, из дома прогонять. Опомнись! – говорила она.

– А я прогоняю, – не умолкала Полина Евсеевна, – подите прочь, вы смерть хозяину дома накликаете, подите же.

Отец Яков, вставая с кресла, перекрестился сам, и вслед за тем, скорым движением, перекрестил Еспетову.

– Моё присутствие здесь важно, я душу Антона Андреевича приму и Господу нашему передам.

– Оставьте, не крестите меня, – перебила его Еспетова, – я более веры не имею, отреклась только что, душу же Антона Андреевича вам отпевать не придется, ему еще долго жить. Уйдите!

– Да она не в себе, – оправдывала Еспетову Анфиса Афанасьевна, – у нее верно лихорадка, конечно же! Она и сама не понимает, что говорит!

Священнослужитель поправил степенно свою рясу, и молча, лишь, как и обычно, тяжело дыша, пошел к выходу.

– Отец Яков, умоляю вас, останьтесь! Кроме вас некому Антону Андреевичу грехи отпустить, – просила со слезами Смыковская, загораживая собою двери.

– Остаться я не могу, – произнес отец Яков сурово, – даже уважая вас, Анфиса Афанасьевна, находиться под единой крышей с безбожником, мне невыносимо тяжело.

Полина Евсеевна, подбежав к двери, распахнула ее. Отец Яков, насупился еще более, чем раньше, пригладил свою бороду, прижал к себе бережно Библию и сказал:

– Неверные, избравшие греховный путь, изгнавшие веру из сердца своего, лишаются благоденствия мирского, а также и всея Божией милости, – перекрестил себя и ушёл.

Затворив за ним дверь, Еспетова вздохнула устало, и вернулась к дивану, на котором, все так же, без сознания, лежал Антон Андреевич.

Испытывающая только негодование от всего произошедшего, Анфиса Афанасьевна, не произнося ни слова, бесцельно металась по комнате. Наконец, она не выдержала и принялась корить Полину Евсеевну:

– Стыдись, голубушка, стыдись низменных поступков своих! – говорила она рассерженно. Отец Яков с добром пришел, а ты его за порог, ну как же это можно совершить такое!? И ведь из моего дома выгнала, сама здесь не хозяйка, а другого – вон!

– Я полагала, Анфиса, что дом этот не твоим, а нашим считается, и что мы обе вправе хозяйничать в нем.

– Позволь, отчего же это нашим? Мой, разумеется мой! Его Антон построил, я его супруга законная, значит и дом этот мой! И даже прислуге известно, что ты Андрей, живете здесь из милости, просто от безграничной, и порой даже напрасной, доброты, мужа моего!

Смыковский тихо застонал и приоткрыл глаза. Взгляд его был затуманен, бессмыслен, словно он не понимал, что окружает его.

– Зачем же он?.. Зачем... – вяло произнес он, с трудом разжимая губы, – Нехристь.

Проговорив несколько раз, эти непонятные никому, кроме него самого, слова, Антон Андреевич вновь закрыл глаза.

– Я вынужден просить вас, пожалуйста, тише, – обратился к женщинам врач, – больному теперь необходим совершенный покой.

– Павел Николаевич, ответьте искренне, есть ли хоть какая-то, пусть даже самая малая, но все же надежда, на продолжение жизни Антона Андреевича? – спросила Еспетова, кутаясь в тонкую шаль.

– Разве что, совсем небольшая. Я бы сказал, почти ничтожная, – ответил Клюквин, после некоторого раздумья, – случай чрезвычайно трудный и опасен возможными последствиями. Велика также утрата крови, и это пожалуй, самое худшее.

Анфиса Афанасьевна подошла ближе и внимательно всмотрелась в искаженные болью, черты лица своего мужа, словно, чтобы лучше понять, к чему же следует ей готовиться.

– Сейчас он лежит без чувств, однако, что же будет дальше? – задумчиво спросила она.

– Временами, он приходя в себя, вероятно, сможет ясно мылить, затем возможен продолжительный бред, впрочем, боюсь и галлюцинации не обойдут его стороной, – ответил Павел Николаевич, вытирая руки полотенцем, – Кто-то изрядно покалечил его, – добавил он, – удары наносили тяжелые, много раз, и не ведая куда. Откровенно говоря, я сомневаюсь, что он выживет.

Полина Евсеевна взглянула на них обоих, и отвернулась к окну.

– Пусть никто кроме меня, здесь не верит в исцеление Антона Андреевича, – произнесла она решительно, – но я все же не сомневаюсь, что он сумеет выжить.

– Ах, Поля, ну какая ты, – всплеснула руками Смыковская.

– Коли вы, Полина Евсеевна, столь упрямы, и в чудеса невероятные верите, так я скажу вам, что если удастся Антону Андреевичу до утра протянуть, значит и в правду, жить ему на этом свете, ещё долго отмерено, – пояснил Клюквин, – нужно только, чтобы кто-то непременно пребывал подле него всю эту тяжелую ночь.

– Кому же быть? – стала размышлять Анфиса Афанасьевна, – у меня ужасная мигрень, мне необходимо в себя прийти и выспаться. У Анны Антоновны истерика, как ей на страдания отеческие глядеть, пожалуй, Катя побудет с Антоном Андреевичем.

– Что ж Катя, так Катя, если только она не слишком глупа. Я все рекомендации ей оставлю.

– Анфиса, – обратилась к Смыковской Полина Евсеевна, – не нужно Кати, я хотела бы сама ухаживать за Антоном Андреевичем, можешь ты позволить мне это?

Клюквин озадаченно взглянул вначале на Еспетову, и сразу же затем на Смыковскую.

– Что ж, оставайся, – тут же согласилась Анфиса Афанасьевна, – Катя и впрямь умна то не слишком, ещё глядишь и напутает. Оставайся, я против ничего не имею, и на тебя уже не сержусь. А вы, Павел Николаевич, уж извольте, до завтра не покидать нашего дома. Вдруг случится, что-нибудь внезапное, одним словом, уходить вам никак нельзя. В доме имеется удобная, никем не занятая комната, и вы могли бы заночевать в ней.

Смыковская была так убедительна, и последовательна в рассуждениях, что доктор немедленно и без колебаний принял предложение её. Объяснив Полине Евсеевне все, что нужно и полезно было ей знать, об уходе за больным, он отправился вслед за Катей, в свое новое пристанище.

Анфиса Афанасьевна, наконец, убедившись, что все устроено должным образом, поднялась по лестнице, и утомленная, отправилась к себе.

В то самое время, когда Еспетова осталась присматривать за Антоном Андреевичем, а прочие разошлись по своим комнатам, на втором этаже, плакала в своей спальне Анна Антоновна, не находя, ни покоя, ни утешения. И хотя, Дарья Апполинарьевна не покидала ее, стараясь отвлечь то посторонними разговорами, то чтением вслух, барышня все не затихала.

– Что же теперь будет с папенькой? Ужели он умрет, Дарьюшка? – приговаривала она, всхлипывая и вздрагивая.

– Поправится, поправится он, – успокаивала ее няня, – еще и в саду прогуливаться вместе станете, и по аллеям, все вернется, как прежде было.

В спальню вбежал неожиданно Митенька, босоногий, в белой ночной рубашке, с рюшами.

– Сестрица, о чем ты плачешь? – спросил он, – Миша спит, а я твой голос услышал.

Анна Антоновна наскоро вытерла глаза.

– Ах ты, сорванец, – запричитала Дарья Апполинарьевна, – отчего же и ты не спишь, как твой братец?

– Мне не спится, Дарьюшка. Я вниз пойду.

– Нет, вниз тебе нельзя, – остановила его няня, ухватив за ручки, – матушка твоя увидит, заругается. Пойдем-ка лучше, я сказочку тебе расскажу, глядишь, и сон придет. Я уложу его скоро и вернусь, – шепнула она Анне Антоновне, уходя.

Барышня осталась одна. Она поднялась с кровати и подошла к зеркалу, заговорив незаметно сама с собой.

– Как я стала нехороша... Лицо распухло от слез. Румянец сошел, а глаза покраснели... Видел бы меня сейчас Филарет Львович. Филарет Львович... – повторила она, как-будто обдумывая что-то, – увидел бы меня сейчас Филарет Львович, непременно пожалел бы, утешил.

Мысли Анны Антоновны оборвались, она выбежала из спальни и вскоре оказалась у самой маленькой комнаты в доме, той, где жил её учитель. Толкнув вначале дверь, барышня убедилась, что она заперта на ключ, и лишь затем, позвала негромко:

– Филарет Львович, умоляю вас, откройте!

Молодой учитель, занятый в ту пору чтением, услышав едва доносящийся снаружи женский голос, решил вдруг, что это пожаловала к нему сама Анфиса Афанасьевна, о которой

думал он теперь постоянно. Забыв тот час о книге, он приблизился к двери, и наполненный радостным волнением, повернул ключ и отворил. Однако, увидев перед собой Анну Антоновну, он осознал с горечью, что надежды его обмануты.

– Анна Антоновна!?! – разочарованно произнес он, – Вы? Здесь и в такой час!? Зачем?

Анна Антоновна вошла в комнату, закрыла за собой дверь и бросилась молодому человеку на шею, рыдая неистово.

– Да, что это!? Что с вами? – тщетно стараясь отстраниться, недоумевал учитель.

– Филарет Львович, не прогоняйте меня! – говорила Анна Антоновна, обнимая его.

– Вы забыли приличия! Просто ворвались ко мне! И я полагаю, что вам будет лучше покинуть эту комнату без промедления.

– Нет, нет, я не могу! Я умру сегодня, погибну от тоски, от страданий, которые меня душат, ведь мой папенька... Мой папенька!..

Анна Антоновна вновь зарыдала и опустила, наконец, руки.

Высвободившись от ее объятий, Филарет Львович спросил не без интереса:

– Правильно ли я понял вас? Несчастье произошло с Антоном Андреевичем?

– Папенька нынешним вечером, возвращаясь домой, получил тяжелейшие увечья и слег.

Теперь он в гостиной, и верно не доживет до утра, – через силу, проговорила барышня, глотая крупные слезы.

«Как славно, – вдруг мелькнуло в голове у Филарета Львовича, – внезапно всё само решилось, именно так, как и нужно. Анфиса Афанасьевна, овдовев, окажется свободна и не ущемлена в средствах. Нам не придется даже встречаться украдкой. Я, выдержав положенный траур, женюсь на ней и стану по праву, хозяином этого дома, перевезу сюда своих матушку и сестру, необходимо только пристроить повыгоднее детей Смыковского, впрочем, это не так уж и хлопотно...»

– Филарет Львович! – позвала громко Анна Антоновна, заметив, что учитель отвлекся в задумчивости своей.

– Да, да, право, какое горестное известие я получил от вас, – тут же ответил он.

– Я решила прийти к вам, – робко призналась барышня, – оттого, что участие ваше сейчас, непомерно важно для меня.

– Случившееся с вашим папенькой, разумеется, ужасно, – произнес с расстановкой Филарет Львович, – однако, позвольте, чем же я смогу помочь вам?

– Вы поможете много больше, чем полагаете, если выслушаете мое к вам признание, которое я храню в себе уже долгое время.

– Признание? Именно теперь?

– Да, именно! И только теперь! В другой раз, мне пожалуй, невозможно будет решиться...

Анна Антоновна, повернувшись спиной к учителю, и закрыв руками загоревшееся от стыда лицо, забормотала спешно и едва различимо:

– Я влюблена в вас, и чувств своих не скрываю... Вернее сказать, не могу скрыть... Вы мне необходимы жизненно, и если вам угодно будет отвергнуть меня, так сделайте это теперь, тогда и я, ещё до рассвета, успею окончить жизнь свою. Если же я не безразлична вам, то умоляю, откройтесь мне, и позвольте у вас остаться до самого утра.

Боясь оглянуться, Анна Антоновна замолчала, и в тишине стали различимы только два дыхания, её и учителя.

Молодой человек был в смятении.

«Оставить хозяйскую дочь в этой комнате, означает, будто бы принять её любовь и даже ответить на неё, но что ожидает меня после, когда женюсь я на матери этого существа. Однако прогнав Анну Антоновну, я тем самым лишу ее последней надежды. Что же за тем последует? Допустим, и впрямь осуществит она свою дерзкую мысль, убьет себя как-нибудь, и что тогда?»

Тогда наверное, Анфиса Афанасьевна обвинит меня первого в смерти дочери своей. Как же поступить? Как будет более верно?»

Мысли проносились в его голове судорожно, беспорядочно. Он не мог позволить себе ошибиться. Решившись наконец, он взял за плечи взволнованную Анну Антоновну, повернул к себе так, чтобы взглянуть ей в лицо и произнес тихо:

– Я не хочу, чтобы вы уходили...

Дверь комнаты Филарета Львовича затворилась на ключ. Престарелая Дарья Апполинаревна в ту ночь, не заметила отсутствия барышни. Стараясь утихомирить её маленького брата, она, убаюкивая его тихими песнями, заснула и сама, в кресле, между двух детских кроваток.

Время тянулось медленно, словно нарочно мучая Полину Евсеевну, которая изводила себя сомнениями, стараясь угадать, проживет ли Антон Андреевич следующую половину часа.

Смыковскому, между тем, становилось все хуже. Он метался беспокойно, не то во сне, не то в бреду, стонал, не переставая, словом страдал нечеловечески. Выдавались редкие минуты, когда открывал он тусклые глаза. Еспетова тут же брала его руки в свои, гладила их, говорила что-то успокаивающе, не догадываясь о том, что он не в состоянии узнать ее очертания. Ему все виделся Парфён Грошкин, заносающий камень над его головой, и всякий раз, Антон Андреевич, осознавая неизбежность ударов и последующей сильной боли, кричал, от охватывающего его ужаса.

Полина Евсеевна плакала, прикладывала к его лбу холодные компрессы и с тревогой ждала утра.

В другой части дома, устраиваясь в своем временном жилище, Павел Николаевич Клюквин. Он обошел неспешно предоставленную ему комнату, всё осмотрел, и оставшись довольным, уселся в мягкое кресло, зевнул лениво, достал из кармана свой портсигар и с наслаждением закурил...

Уже как-будто легкая дремота стала опускаться на него, когда он заметил, что на стене, мелькнула некая, неизвестно кому принадлежащая тень. Обернувшись, Клюквин заулыбался радостно, и встал сейчас же с кресла. Тень была не чья-нибудь, а именно Анфисы Афанасьевны, которая предстала перед ним, с неубранными, разбросанными по плечам, волосами, в длинном серебристом халате, и со свечой, в изящной, тонкой руке.

– Анфиса! – произнес доктор восторженно, – а я мечтал, что ты появишься, и даже дверь нарочно, на ключ не запер.

– Ну, вот теперь действительно, здравствуй, Павлуша, – ответила Смыковская, – уж сколько лет мы не виделись, а всё меня к тебе манит...

– И я истосковался. Всякий день тебя вспоминаю. Просыпаюсь или ко сну отхожу, всё одно, ты перед глазами стоишь.

Из гостиной послышался глухой крик. Анфиса Афанасьевна вздрогнула и съёжилась.

– Представить страшно, что ожидает меня завтра, – сказала она.

Павел Николаевич нахмурился и взглянул на Смыковскую сурово.

– Разве ты что-то чувствуешь к нему? Я свой долг врачебный до конца исполню, это ясно. Но испытывать сострадание к твоему супругу, такое же, что и к прочему больному, уволь, не смогу. Яна Антона Андреевича слишком зол, за то, что женщину жизни своей, обречен с ним делить.

Анфиса Афанасьевна тоже переменялась в лице. Прежняя ласковая улыбка её исчезла, скоро и без следа.

– Ты, Павел, не справедлив к нему, и ко мне, также. Ведь нет его вины никакой в том, что ты непостоянством излишним страдаешь, и что одной меня, тебе завсегда мало бывает. Напротив, ты даже обязан ему, Антон двух твоих сыновей растит, пусть даже и не ведает того, а

если б и узнал, так ему хватило бы воли и благородства, все одно, своими их считать, и баловать их, словно собственных.

– И за это я не терплю его. Он может детьми распоряжаться, а я за всю жизнь, младенца родного в руках не держал. Когда же я умолял тебя со мной остаться, ты отчего-то его предпочла.

Теперь Клюквин и Анфиса Афанасьевна, глядели друг на друга безжалостно, уже словно враги.

– Умолял? – засмеялась неприятно Смыковская, – Да ведь я было уже, и собралась к тебе, с Митенькой, хорошо опомнилась вовремя. Услыхала от добрых знакомых, что ты провинциальную девицу, лет семнадцати от роду, принял на полное свое содержание, да о том на все стороны похвалялся. Умолял! Ах, какой же ты негодяй! Негодяй, без совести!

Клюквин удивился вначале, оттого, что Анфисе Афанасьевне подробности его жизни, были так хорошо известны, впрочем, тут же сумел овладеть своим смятением, и решил как-нибудь избежать продолжения ссоры.

– Ну, а коли я скажу тебе, – произнес он вкрадчиво, – что девица та, оказалась лживой, да насквозь продажной, и представляется мне сегодня ненадобной обузой, от которой я горячо желаю освободиться скорее!

Однако Анфиса Афанасьевна успела разгневаться всерьёз.

– Освободишься и что с того? Нечто я тебя, голубчик, не знаю? Нынче эту прогонишь, а следующим днём, другую своим вниманием облагодетельствуешь.

– Да ведь мне другой не нужно! Так-то, Анфиса, кроме тебя, никого не нужно!

Павел Николаевич нервничал. Он расхаживал вокруг стола, то вдруг брал свой портсигар в руки, и открывал, словно уже собирался курить, то отшвыривал его в сторону, рассерженно.

Смыковская напротив, теперь держалась спокойно, глядела на доктора хитро и молчала.

– Таких речей, я раньше от тебя ждала, – заговорила она наконец, – а теперь мне нужды в них нет. С тобой, пожалуй, и жить то в покое нельзя, одни только тревоги и волнения, да каждый день новые.

– А с ним, что же? Можно жить? – усмехнулся горько Клюквин.

– Да, можно, Павлуша, можно. Пусть мне Антон Андреевич смертельно скушен, пусть я при нем о других думаю, но за то, уж я обеспечена, ни в коих желаниях своих не стеснена, и от супруга худого слова не слышу, а с тобой... Что же с тобой!? Я и руку твою ещё не позабыла, тяжела она у тебя, Павлуша. Много я вытерпела, только теперь переменялась, и повторения не желаю, довольно...

Полная решимости уйти, разочарованная неприятным свиданием, Анфиса Афанасьевна, обернулась резко и направилась к двери.

– Анфиса! погоди! – загородив ей путь, умоляюще произнес доктор, – не оставляй меня! Я так давно не виделся с тобой, и вот теперь, когда мы одни, ты уходишь...

– Чего же ты хочешь, Павел? – замедлив шаг, спросила Смыковская, – и я эту встречу, вовсе не так себе рисовала. Я ожидала от нее волнения приятного, радости, а получила лишь упреки.

– Я обещание тебе даю, упреков ты не услышишь более, ни одного слова. Остайся же, не уходи!

– Я могла бы остаться. И даже не против желания своего, – прошептала Смыковская, немного смягчившись, – впрочем, если только, ты выполнишь моё условие.

– Любое твое условие я приму и обсуждать не стану.

– Ты в доме этом, будешь жить до той поры, покада Антон не оправится от недуга, разумеется, если доживет он до этого утра. Мне помощь твоя необходима, и я хочу, чтобы ты всегда рядом был, прилагая к лечению супруга моего, все мыслимые возможности.

– Пусть именно так всё и будет, – согласился, не раздумывая, Павел Николаевич.

Между тем, стремительно и неотвратимо приближался новый день. Когда неяркий, розоватый свет, заполнил всю гостиную, проливаясь сквозь зашторенные окна, Полина Евсеевна заметила, что Антон Андреевич дышит спокойнее и ровнее.

– Неужто обошлось? – произнесла она, не веря самой себе, и заплакала, – Антон Андреевич, живите, умоляю вас, живите, и счастливо, и долго...

IV.

Прошёл месяц, тяжелый и долгий, словно сложенный из несчитанного количества дней.

Вопреки уверенно-худшим прогнозам доктора Клюквина, Антон Андреевич не умер. Постепенно он чувствовал себя всё лучше, кошмарные видения навсегда оставили его, зато вернулись ясность ума и прежний завидный аппетит. Теперь он мог даже вставать, и один раз в день, обыкновенно вечером, вместе с Фёдором, поддерживающим его, выходить на воздух и поглядеть на невесёлый осенний сад, как любил он прежде.

За это время, многое в доме незаметно для Смыковского, переменялось. Анна Антоновна, совершенно счастливая, ещё сильнее влюблялась в учителя, и верила наивно, в его ответное и такое же безграничное чувство. Анфиса Афанасьевна, почти всякий день, тайно бывала в комнате Павла Николаевича, однако и Филарета Львовича надежды не лишала. Молодой учитель, между тем, как только оказывался рядом с Антоном Андреевичем, непременно всматривался внимательно в его лицо, рассчитывая увидеть, хоть какие-нибудь признаки приближающегося конца, впрочем, тщетно. И всё же он не переставал грезить о том, как займет вскорости место супруга Анфисы Афанасьевны. У одной только Полины Евсеевны не случилось ничего нового. Андрей Андреевич привычно пьянствовал, и она, страдая от того, была всегда грустна и молчалива.

Целый месяц Смыковский, против воли своей, не имел возможности появляться на заводе, и это изводило его. Он знал наверное, что потеряв так много ценного времени, очевидно потеряет и большую часть нажитого капитала.

Единственный человек, на которого мог он положиться, управляющий Ипатий Матвеевич Телихов, каждый день посещал его, принося всё новые известия о том, как обстоят заводские дела.

Телихов имел легкий характер. Был вежлив, аккуратен и добросовестен. Некрасивое лицо его, удивляло своей содержательностью. Среди прочих, Ипатий Матвеевич отличался малословием, то есть редкой способностью, выразить даже самые глубокие мысли свои в двух трех, недлинных, но совершенно ясных фразах. Одевался он всегда неброско и одноцветно. Любил атласные жилеты, носил пенсне, натертое его женой до безупречного сверкания, имел великое множество крахмальных носовых платков, разложенных по всем его карманам всё той же заботливой Меланьей Ивановной. Он и она были чрезвычайно разные во всём. Он спокоен, рассудителен. Она же напротив, вспыльчива и горяча. Он великодушный, добрый, стремящийся любыми способами отыскать оправдание всякому. Она неумолимо тверда и требовательна до жестокости. Даже внешне они мало подходили друг другу и не создавали гармонии. Ипатий Матвеевич был высоким, упитанным, супруга же его почти в половину ниже ростом и тоньше во много раз. Единственное в чем они были схожи – это взаимное нежное чувство, зародившееся между ними двадцать лет назад, когда Телихову было девятнадцать, а его возлюбленной только что исполнилось пятнадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.